

Спешите делать добро! **Академическая притча**

Николай ХАЛАДЖАН, кандидат философских наук, доктор педагогических наук, профессор

Мы привлекаем ваше внимание к этому сюжету только на основании того, что вы — учитель и потому будете не против того, чтобы прикоснуться памятью к истории жизни человека, который проявил удивительную чуткость и доброту к обездоленным детям — по своей инициативе и за свой счёт создал первые в России школы для детей-арестантов.

Наряду с этим он совершил ещё так много гражданских доблестей, что благодарные россияне уже сто пятьдесят лет покрывают его могилу живыми цветами: каждый день, в любое время года, абсолютно всю могилу! И ещё покрывают деньгами — настоящими, и мелочью, и бумажными! И пожалуй, абсолютно каждый прохожий — могила эта у центральной аллеи кладбища — остановится, чтобы отдать дань памяти, испытать тепло столь необыкновенного человеческого почитания. И тоже положит денежку. И прочитает задумчиво написанное на могильном камне после его имени, словно речь его, воспроизведённую латынью и по-русски: “Спешите делать добро!” И вы всегда можете прочесть его имя в Большом российском энциклопедическом словаре (Спб.,1999): Гааз Федор Петрович, 1780–1853, русский врач-гуманист.

Как гражданин, Фёдор Гааз спас жизнь десяткам тысяч людей — россиян, москвичей. Да что перечислять... Без преувеличения можно сказать: дважды спасал Россию! А с нашего учительского взгляда, особенно восхищает его непосредственный человеческий подвиг, явивший пример того, как много может сделать один человек, как беспредельно нравственное совершенство человеческой личности!

В Энциклопедическом словаре Ф. Павленкова 1910 года он назван именем, данным ему современниками: “Святой доктор” И при всём величии и великолепии им содеянного, к сожалению, лишь немногое сохранилось из его биографической хроники для обстоятельной повести о нём. Почему мы и обратились к жанру интимной притчи. Полагаем, что и вы разделите неизбежную философию — познание целого через его часть. Итак...

Россия была его судьбой

Где-то лет двести с лишним назад некий екатерининский посол в суровую зимнюю пору тяжело заболел в пути. Его кибитка остановилась в небольшом немецком городке, дальше везти его было нельзя — он умирал. Беда осложнилась ещё отсутствием в городке доктора. Вызвался ему помогать некий юноша, служка местной аптечной лавки. Любопытный и старательный, хотя и не имевший на то никакого образования, он уже во множестве врачевал своих земляков, и они ему доверяли. Пришлось довериться и прислуге посла, передать ему своего господина на поруки. Болезнь оказалась нелёгкой. Горевали и об отсутствии православного священника, к худшему готовились.

А юноша, видать, действительно уже знал своё дело — старался, дневал и ночевал у постели больного вельможи. И тот поправился! Не сразу, ещё долго был очень слабым. Но, не дожидаясь полного выздоровления — дела были государственные — подхваченный под руки, был усажен в коляску и задушевно простился со своим спасителем.

На том бы и закончилась эта история. Однако возвращаясь домой, посол специально заехал в этот городок и, осыпав дарами своего чудесного доктора, предложил ему поехать в Россию, чтобы получить там настоящую большую практику и обязательно разбогатеть.

Надо сказать, модным было тогда привечать в России европейцев, особенно германцев.

Знал об этом и немецкий юноша, наслышан был о богатствах российских да и перспективы серьёзной для себя на родине не видел. И уехал вместе с господином в неведомую страну, разумеется, размахавшись, каким богатым и знаменитым он вернется домой.

Вы догадались: это был юный тогда ещё Фёдор Петрович Гааз. Впрочем, и Фёдором Петровичем тогда ещё он не был; это произошло позже, когда он принял православную веру. А домой вернулась лишь его слава — великая, незабвенная!

Главный врач Москвы: вот оно, богатство...

Почести, которыми он был встречен в России, ошеломили юного германца: это была сказка или фантазмагория, завершившаяся тем, что ему предложили пост главного врача Москвы. Дипломом на должность было его германское происхождение. Видимо, будучи в шоке, он принял пост: блеск положения, непредставимая им плата за должность, личная карета, набор костюмов и, главное, божественный врачебный инструментарий! Как бы защищаясь, узнав, что с этой должности ради него сняли почтенного человека, родителя большого семейства, он отказывается от зарплаты, и её пожизненно отдают предшественнику. Сам же он решает жить на привычные для него чаевые. И, забегая вперед, скажем, что при действительно огромной практике и щедрости светских клиентов, с одной стороны, и национальной скромности, с другой, очень скоро у него скопились значительные деньги. С европейской сметкой он начал покупать доходные дома и вскоре на самом деле стал одним из богачей Москвы. Но об этом потом. Вернёмся к практике.

Несмотря на то, что Москва той поры была несказанно меньше нынешней, трудно даже представить, сколь велико было число его пациентов. У него так же всё хорошо получалось, слава росла, и он лечил, лечил. Кстати, чаевые он брал только от состоятельных, но врачевать приходилось, да и сам стремился, чаще бедных, нищих, бездомных: он не делал никакой социальной разницы. Больше того, поддерживал деньгами нуждающихся. Казалось, что в своём врачебном и социальном подвижничестве он уже достиг невозможного. Теперь вы, наверное, сами представляете, сколь велико складывалась и распространялась его слава.

По традиции тяжёлые это были времена, и вот возникает повод ещё более крутого испытания: по Москве опустошительно прокатывается тяжкая эпидемия, буквально мор, к тому же вызвавшая большое людское волнение — Москва ещё помнила 1771 год, чуму и чумной бунт, когда на его усмирение пришли войска.

Словно демон, круглые сутки носился по городу юный Гааз. Знать в ужасе бежала из Москвы, на улицах вперемешку лежали живые и мёртвые, но не дрогнул главный врач — лечил, убирал, лечил, убирал... И люди верили в него и самоотверженно помогали: это был великий, трагический, восхитительный исход отчаянной сплочённости и приношения себя. И ночью, и днём везде горели костры, раздавались крики, стоны, и везде появлялся почерневший, заросший, всклокоченный юный спаситель — доктор Гааз. Но на фоне грядущих его значительных поступков эти действия тоже ещё были лишь прелюдией. Победили тогда эпидемию.

Великий конфликт

Наверное, до этих пор Гааз был только врачом, свято следующим клятве Гиппократова. И вот случилась в его жизни пламенная страсть к подлинно человеческому и, конечно же, к собственному своему, личностному, то есть насколько можно высокочеловеческому...

Сбегшая было знать, возвращаясь в Москву, видя, насколько много сблизился Гааз с народом, с чернью, стала бойкотировать его, кляузничать царю. А тут ещё сам Гааз напросился в оппозицию — стал требовать повышения народной санитарии, особенно в отношении заключённых и конкретно защиты этапных.

Через Москву тогда ежегодно проходили в Сибирь десятки тысяч этапных. И средства их перемещения были орудием национального геноцида. Это страшно представить: бо-

сые, по сути, в отребье, практически все больные, голодные, шли они с тяжёлыми наручниками и наножниками металлом на тело, да ещё тяжёлыми короткими цепями прикованные к тяжёлой чугунной оглобле, днём и ночью, в жару и в холод, в дождь и в снег, разумеется, пешком, многотысячекилометровым путем... Все они в этом состоянии ели, спали, оправлялись... Все вместе — мужчины, женщины, дети... Шли имени святого апостола Владимирским трактом. Помните “Владимирку”, ныне “Шоссе энтузиастов”! По ней они отправлялись заведомо на смерть.

Какое живое сердце могло это выдержать?! Гааз потребовал: если не прекратить вовсе, то коренным образом изменить условия этапа. По пунктам: отправлять только здоровыми, отдельно мужчин и женщин, также и детей, улучшить питание и санитарию, медицинскую помощь в пути. А с железом так: чугунную оглоблю заменить тонкой стальной цепью, наручники и наножники (кандалы) сделать тонкими и обязательно обернуть войлоком или кожей, личные цепи сделать длинными, чтобы создать интим по нужде, и обязательно одевать по-сезону, детям и женщинам давать сладости на дорогу...

Это было последней каплей царского терпения, Гааз был снят с должности и приговорён к высылке из России.

Он не жаловался и уже готовился к выезду, но молнией разнеслась по городу об этом молва, и вся “чёрная Москва” с криками о пощаде пошла на Кремль. Светски воспитанный царь светски обратился к Гаазу: если, мол, Гааз что-то хочет, пусть сам же и платит за это, на то у него есть свои миллионы! И царь может помочь ему, он назначает...

Главный врач московских тюрем

Да, Гаазу была определена должность главного врача московских тюрем и с таким непростым предложением.

Всё разом смешалось — и смысл заработков, накоплений, самой жизни, ремесла, благих намерений, чести, Родины, а она ведь была так близка! Но видя эту многотысячную толпу, отчаянно молящую за него, он сдался. И все опростилось: конечно, он выбрал честь и этих людей, то есть тюрьмы. Он не мог их оставить. В тот же день переехал в тюремную квартиру.

С энтузиазмом отчаяния он накинулся на свою мечту — очеловечить человеческое. Тогда-то он с блеском и даже изяществом делает всю кандальную амуницию: и чтобы по росту и по размеру, и чтобы нетяжела, не ржавела, а браслеты обшиваются кожей; в общем-то это была революция в кандальном деле, и всё — за личный счет Гааза. Для всех тюрем Москвы, по сути, для всей России, так как этапы бесконечно разносили эту амуницию, и продолжалось это непростых двадцать пять лет! Также за свои деньги он впервые в России создал тюремные больницы (1832), и теперь на этапы направлялись только здоровые люди. Воплотил он свою мечту о раздельном этапировании мужчин и женщин, и также детей с ними, чтобы помогали старшие и не баловали. Всем на дорогу сало, а женщинам и детям ещё и сахар, фрукты сушёные и деньги. Детей на этап отпускал только подростками, держал в Москве, чтобы окрепли и ещё научились письму и счёту, для этого он создал свои знаменитые школы. Совсем уж невиданное: создал то, что мы теперь называем художественной самодеятельностью — ввёл в тюремный дневной режим часы хорового пения. И ещё всю жизнь занимался врачебной практикой на миру, по-прежнему желанный всеми страждущими. Но теперь обращаясь только к простому народу. Жажда достойной жизни захлестнула его, в Москве и окрест он был боготворим: недаром он вошел в историю как “Святой доктор”...

Надо ли говорить, что жизнь, даже святая, не бесконечна. Он прожил относительно большую жизнь, но на 73-м году внезапно доктор Фёдор Петрович Гааз умер. Прямо в своей тюремной квартире. И вся тюрьма, и вся Москва погрузились в траур. На отпевание на двор Главной тюрьмы свели большой хор заключённых со всех тюрем, и пел этот хор, обливаясь слезами, единственно при Гаазе совместно мужчины и женщины, и дети с ни-

ми. Доктор Гааз святым уходил в вечность.

Святой Гааз на небесах памяти и любви

Ещё многие годы московские тюрьмы жили по законам Гааза, так же защищёнными, заключённые этапировались в Сибирь, на это он деньги свои завещал. Амуницией же гаазовской и через сто лет пользовалась новая власть России.

Догаазовскими этапами при санитарной и моральной растоптанности, угнетающей непосильной чугунной ноше и убивающей незащищённости от суровой жары и мороза, постоянной жажды и голода, в лучшем случае в Сибирь приводили одну охрану. Это было систематическое, ежегодно десятками тысяч физическое истребление россиян. И гибли бы дальше. Сибирь же оставалась пустыней. Это Гааз их спас. И всех до одного доставил живыми и здоровыми. Один — столько людей! И Сибирь стала заселяться.

Складывалось новое здоровое энтузиастское (недаром же так называли шоссе!) сообщество величественным духом русским. И край оказался по ним: Сибирь. Гигантский край! А Гааза они буквально боготворили, писали иконы с его портретным ликом, молились на него, венчались и крестили детей его именем и из поколения в поколение завещали эту благодать.

И это действительно была уже другая, новая, гаазовская Сибирь, на новом здоровом бытийном и нравственном корне разрастающаяся, в чём-то заглавном завидно авторитетная для всех русских (сибиряки!), и таковой возвращённая государству и истории. Это ли не подвиг восхитительный, продолжающийся уже после смерти его героя!

Но, к сожалению, побеждать время — куда более непостижимое обстоятельство. И почти к юбилею — столетнему сроку печальной памяти доктор Гааз был уже стародавней забываемой легендой. Но... Вот и не поверь в жизнь после смерти! Да ещё какую жизнь! Гааз снова во весь голос напомнил о себе.

Было это в годы второй Отечественной войны, в её самый критический период, когда, казалось, дальнейшее напряжение невозможно. И случилось это точь-в-точь, как тогда, 8 сентября 1380 на Куликовом поле: войска Дмитрия Донского и Мамая яростно дрались до конца. И казалось, мамыцы могут даже победить; тогда-то Дмитрий, а у него на этот случай, как он сам говорил, был “запасной отряд”, посылает его, затомившегося, и — побеждает! И вот в этом новом судьбоносном сражении, как тогда, вступают в бой могучие гаазовские сибиряки! Как же удивительно история повторяется; да благословится имя Святого доктора Фёдора Петровича Гааза! Вот кому сегодня нравственно присягать юным врачам, всем юным выпускникам школы — и учителям, и правоведам, и экономистам! И присягают простые люди в Сибири! Это прекрасный человеческий пример: он шёл своим восхитительным путём — для всех, но к собственной мечте и по личной своей инициативе. Он в высшей мере был и остался для нас образцом ума, чувственности и дела, подлинной авторизованной личностью.

Мосгорсправка:

Бронзовый памятник Ф.П. Гаазу стоит в центре двора бывшей Главной московской тюрьмы, ныне жилого комплекса по адресу: Москва, Малый Казённый переулок, дом 5.

Могила, где похоронен Ф.П. Гааз, находится на московском Введенском (бывшем Немецком) кладбище по адресу: Москва, улица Наличная, 1.

...Она украшена его, “гаазовскими”, кандалами.